

DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-3-144-153
УДК 519.865.3; 336.77(045)
JEL G21, G23, E17

Роль стандартизированного подхода к измерению кредитного риска контрагента (Базель III) в целях создания условий для экономического роста России

И.Е. Шакер

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-6297-6725>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – стандартизированный подход к измерению кредитного риска контрагента согласно реформе международных стандартов макропруденциального регулирования SA-CCR для обеспечения прорыва в научно-технологическом и социально-экономическом развитии России. *Цель работы* – оценка внедрения и использования посткризисного стандарта Базель III до 2021 г. для создания финансово устойчивых кредитно-банковских институтов как основных триггеров системного риска с целью поддержания доверия общества к финансовой системе и обеспечения устойчивого роста экономики.

В статье рассматриваются перспективы внедрения стандарта Базель III с учетом стандартизированного подхода к измерению кредитного риска контрагента для решения задач вхождения России в число пяти крупнейших экономик мира. Экономический рост обеспечивается в условиях глобального финансового рынка благодаря эффекту масштаба и координации в разных странах структурных макропруденциальных правил, что требует международного стандартизированного подхода к регулированию системных рисков, когда меры макропруденциальной политики направлены на ослабление роста кредитования, оказывая положительное влияние на экономический рост.

Эффективность макропруденциальной политики для банков уменьшается, если менее регулируемые финансовые посредники увеличивают долю рынка и его открытость, позволяя организациям и домашним хозяйствам получать средства от иностранных финансовых источников.

В статье *делается вывод*, что при определении направлений использования страновой макропруденциальной политики должна оцениваться значимость каждого канала проявления и трансформации системного риска.

Ключевые слова: макропруденциальное регулирование; финансовая стабильность; кредитный риск; риск ликвидности; финансовая стабильность; Базель III; экономический рост; стандарт

Для цитирования: Шакер И.Е. Роль стандартизированного подхода к измерению кредитного риска контрагента (Базеля III) в целях создания условий для экономического роста России. *Экономика. Налоги. Право.* 2019;12(3):144-153. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-3-144-153

ORIGINAL PAPER

The Role of the Standardized Approach to Measuring the Counterparty Credit Risk Exposures (Basel III) in Order to Create Conditions for Russia's Economic Growth

I.E. Shaker

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6297-6725>

ABSTRACT

The subject of the research is the Standardized Approach to measuring the Counterparty Credit Risk (SA-CCR) exposures according to the reform of the international standards of macroprudential regulation to ensure a breakthrough in the scientific, technological and socio-economic development of Russia. *The purpose* of the research was to assess the introduction and use of the post-crisis Basel III standard until 2021 to create financially sound credit and banking institutions as the main triggers of the system risk in order to maintain public confidence in the financial system and ensure sustainable economic growth.

The paper examines the prospects for the implementation of the Basel III standard, taking into account the standardized approach to measuring the counterparty credit risk to meet the challenges of Russia's entry into the top five world economies.

Given the global financial market conditions, the economic growth is ensured by the economies of scale as well as by harmonization of structural macroprudential rules in different countries, which requires an international standardized approach to system risk management when macro-prudential policies are aimed at alleviating credit risks thereby having a positive impact on the economic growth.

The effectiveness of the macro-prudential policy for banks is reduced when less regulated financial intermediaries increase the market share and openness allowing organizations and households to receive money from foreign financial sources.

The paper *concludes* that in shaping the country's macro-prudential policies, it is necessary to assess the relative importance of each channel of manifestation and transformation of the system risk and its impact on the economic growth in the national economy.

Keywords: macroprudential regulation; financial stability; credit risk; liquidity risk; Basel III; economic growth; standard

For citation: Shaker I.E. The role of the standardized approach to measuring the counterparty credit risk exposures (Basel III) in order to create conditions for Russia's economic growth. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(3):144-153. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-3-144-153

ВВЕДЕНИЕ

Макропруденциальное регулирование определяется Международным валютным фондом (далее — МВФ) как использование пруденциальных инструментов для ограничения системных рисков, которые часто сопровождаются на глобальном уровне снижением темпов роста ВВП и деловой активности; колебаниями рыночной конъюнктуры; увеличением доли неработающих активов [1] и просроченной задолженности; концентрацией крупных кредитных рисков [2].

МВФ и Банк международных расчетов (далее — БМР) подразумевают под системным риском риск нарушения предоставления финансовых услуг, вызванный ухудшением работы всей финансовой системы или ее части, который может привести к серьезным негативным последствиям для реального сектора экономики.

БМР выделяет следующие цели макропруденциального регулирования:

1) повышение устойчивости финансовой системы к внутренним и/или внешним экономическим спадам, а также к агрегированным шокам на национальном уровне;

2) ограничение формирования системных финансовых рисков.

Ключевой задачей послекризисных подходов к макропруденциальному регулированию является уменьшение чрезмерной изменчивости активов [3], взвешенных с учетом риска *RWA*¹. Изменения

в нормативной базе при расчете *RWA* должны помогать восстанавливать доверие к хозяйствующим субъектам путем повышения их надежности и чувствительности к риску; ограниченного использования внутренних моделей оценки рисков; дополнения коэффициента взвешенного по риску капитала коэффициентом леввериджа / *leverage ratio*, т.е. соотношения заемных и собственным средств.

Следует также выделять взаимосвязанные задачи макропруденциального регулирования. К первой задаче относится поддержание устойчивости финансовой системы по отношению к различным шокам, которое обеспечивается за счет создания контрциклических буферов капитала. Вторая задача заключается в сдерживании роста системных рисков за счет снижения проциклического влияния цен на кредитные ресурсы и активы [4]. Третья задача состоит в мониторинге структурных факторов уязвимости финансовой системы, которые образуются за счет взаимосвязи финансовых организаций, их подверженности рискам, а также возрастающей роли системно значимых банков.

В юрисдикциях разрабатываются методики выявления системообразующих институтов [5], которые приобретают особый статус и название и становятся либо национальными системно значимыми банками (*D-SIBs* — *systemically important banks*) [6], либо глобальными системно значимыми банками (*G-SIBs*).

ле, которая определяется регулятором (обычно центральным банком), т.е. стоимость активов, рассчитанная путем их группировки в несколько классов, соответствующих разным оценочным уровням риска, и умножения стоимости активов из каждого класса на коэффициент, отражающий уровень риска.

¹ *RWA* (*risk-weighted assets*) — это суммарные активы банка, взвешенные по уровню кредитного риска согласно форму-

Выполнение стандарта Базель III / Implementation of Basel III Standard, Basel Committee Jurisdiction

Юрисдикция / Jurisdiction	Капитал, основанный на риске / Risk-based capital	Коэффициент покрытия ликвидности / Liquidity coverage ratio (LCR)	Требования к G-SIB / G-SIB requirements/	Коэффициент чистого стабильного фондирования / Net stable funding ratio (NSFR);	Контроль крупных рисков / Large exposure (LEX)
Китай / China [7]	с/т (сентябрь 2013)	с/т (июль 2017)	с/т (июнь 2016)	о/п (H2 2019)	о/п (H2 2019)
Европейский Союз / European Union	Не с/т (декабрь 2014)	В з/ст. с/т (июнь 2017)	с/т (июнь 2016)	о/п (H2 2020)	о/п (H2 2020)
Индия / India	с/т (июнь 2015)	В з/ст. с/т (июнь 2015)	–	о/п (H1 2019)	о/п (H1 2019)
Япония / Japan	с/т (октябрь 2012/декабрь 2016)	с/т (декабрь 2016)	с/т (июнь 2016)	о/п (H2 2020)	о/п (H2 2020)
Россия / Russia	с/т (март 2016)	с/т (март 2016)	–	о/п (H1 2021)	о/п (H1 2021)
Саудовская Аравия / Saudi Arabia	с/т (сентябрь 2015)	В з/ст с/т (сентябрь 2015)	–	с/т (сентябрь 2018)	с/т (сентябрь 2018)
Сингапур / Singapore	с/т (март 2013)	с/т (декабрь 2016)	–	о/п (H1 2020)	о/п (H1 2020)
Южная Африка / South Africa	с/т (июнь 2015)	с/т (июнь 2015)	–	о/п (H1 2021)	о/п (H1 2021)
Соединенные Штаты Америки / United States	в з/ст. с/т (декабрь 2014)	с/т (октябрь 2017)	с/т (июнь 2016)	о/п (H2 2020)	о/п (H2 2020)
Примечание: с/т – соответствует; о/п – ожидаемая публикация документа; в з/ст. с/т – в значительной степени соответствует; H1 – норматив достаточности собственных средств (капитала) банка; H2 – норматив мгновенной ликвидности.					

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Стандарт Базель III (Basel III²) по капиталу и ликвидности для глобальных системно значимых банков (G-SIBs), как правило, переносится в правила национальных юрисдикций.

В ноябре 2018 г. Базельский комитет по банковскому надзору (далее — БКБН) опубликовал отчеты 27 стран о реализации ими базельских стандартов по капиталу и ликвидности системно значимых банков (SIBs), обозначив, что остаются нерешенными проблемы своевременного принятия стандартов³ (табл. 1).

² Основные положения соглашения Базель III: введение дополнительных требований к достаточности капитала банков; введение обязательных нормативов, нацеленных на ограничение финансового рычага (левериджа — соотношения заемного и собственного капитала); введение новых обязательных нормативов ликвидности: показателя краткосрочной ликвидности (Liquidity Coverage Ratio, LCR) и показателя чистого стабильного фондирования на регулярной основе (Net Stable Funding Ratio, NSFR).

³ Basel Committee on Banking Supervision (BCBS).

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ МАКРОПРУДЕНЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ

Эмпирические результаты деятельности банковских систем свидетельствуют о том, что в государствах, в которых макропруденциальная политика направлена на ужесточение условий кредитования для сдерживания чрезмерного роста кредитов и смягчения финансовых рисков для экономики, прослеживается тенденция к более высокому и устойчивому росту. В то же время финансовая открытость приводит к ослаблению этого положительного эффекта потому, что она обеспечивает

Implementation of Basel standards — A report to G20 Leaders on implementation of the Basel III regulatory reforms. November 2018; URL: <https://www.bis.org/bcb/publ/d453.htm> (дата обращения: 29.11.2018).

большую возможность для внутренних финансовых учреждений и нефинансовых агентов заимствовать за рубежом и изолировать себя от вызванных политикой изменений в условиях внутреннего финансового рынка.

Влияние на экономический рост оказывается через канал *принятия системного риска (risk aversion)*. Финансово-кредитный сектор составляет основу кредитного и экономического циклов, оказывая тем самым влияние на результативность денежно-кредитной политики и экономический рост. Механизм влияния изменения процентных ставок центрального банка на восприятие рисков финансовыми субъектами, т.е. канал, посредством которого макропруденциальное регулирование может воздействовать на экономический рост в долгосрочной перспективе, называется *каналом принятия риска трансмиссионного механизма*. Чем выше коэффициент достаточности капитала, тем больше уменьшается риск и повышаются стимулы к кредитованию заемщиков.

Следует также выделять *канал финансового акселератора трансмиссионного механизма*. Снижение ставок увеличивает сумму стоимости ликвидных активов и залоговую стоимость неликвидных активов компании, так как возрастает стоимость активов заемщика. В результате улучшается его кредитоспособность, и при прочих равных условиях объем получаемых им кредитов может увеличиться, что ведет к росту инвестиций. Иными словами, механизм финансового акселератора работает со стороны заемщика, тогда как канал принятия риска сфокусирован на усилении механизма со стороны банков.

Международные организации определили следующий набор мер и инструментов, которые могут быть применены для достижения эффективности макропруденциального регулирования:

1) *административные меры*, регулирующие темпы роста кредитования, например лимиты на прирост кредитования;

2) *общие инструменты*, воздействующие на резервы и капитал: контрциклический буфер капитала, динамический коэффициент финансового рычага, динамические резервы;

3) *инструменты, воздействующие на определенный сектор финансового рынка*: ограничения вложений в определенные отрасли; особые требования, предъявляемые к капиталу;

4) *инструменты, оказывающие влияние на ликвидность и валютный риск*: показатель чистого стабильного фондирования; лимит на открытие валютных

позиций; инструменты, направление на пополнение высоколиквидных активов;

5) *инструменты, воздействующие на структурные риски*: дополнительные надбавки за системную значимость, которые могут относиться как к капиталу, так и к ликвидности данных институтов; меры, обеспечивающие контроль взаимосвязей в рамках фондирования и на рынках производных финансовых инструментов;

6) *инструменты, имеющие прямое ограничение для потребителей финансовых услуг*: инструменты, ограничивающие внешний долг нефинансовых компаний; налог на физических лиц в сделках с недвижимостью.

Зарубежные центральные банки для обеспечения финансовой стабильности и экономического роста используют комбинации из перечисленных выше групп инструментов. Из них чаще всего применяются микропруденциальные инструменты, различающиеся только в целевой установке и настройке инструмента.

Следует отметить, что макропруденциальные инструменты направлены в целом на достижение одной обобщенной цели — обеспечение финансовой стабильности в целях создания стимулов для экономического роста.

Административные меры. При чрезмерном росте кредитования в ряде стран применялись административные меры для ограничения системного риска, которые сопровождались введением лимитов на выдачу новых кредитов, т.е. регуляторы устанавливали определенный максимальный процент кредитования, ограничивая предоставление кредитных ресурсов. Теоретически применение данного ограничения могло привести к улучшению качества кредитования ввиду того, что в условиях действия лимитов на кредитование ссуды предоставлялись более надежным заемщикам. При оценке данных мер с практической точки зрения их эффективность, по мнению экспертов, была на невысоком уровне. Из опыта Японии следует, что после бума роста недвижимости в 1980-х гг. стала наблюдаться негативная динамика цен. После снятия ограничений в конце 1991 г. образовался «пузырь» на финансовом рынке. Регуляторы Японии посчитали эти меры запоздалыми, носящими общий характер и подтолкнувшими «пузырь» к резкому схлопыванию⁴.

⁴ Peer Review of Japan. Financial Stability Board. 21 December 2016. URL: www.fsb.org/2016/12/peer-review-of-japan/ (дата обращения: 29.11.2018).

Опыт применения административных мер в виде ограничения кредитования приобрели Хорватия, Турция. Например, в период 2003–2004 гг. в Хорватии максимальное ограничение кредитования составляло 16% прироста. Перед мировым финансовым кризисом 2008 г. был установлен лимит прироста кредитования в 12%. В Турции начиная с 2011 г. лимит роста кредитования составлял ежегодно 25% и был скорректирован на изменение курса валют. Но применение приведенных выше мер не дало ожидаемого эффекта, так как ограничение кредитования происходило во время активного роста внешнего долга нефинансовых компаний, что обусловило уменьшение кредитоспособности заемщиков.

Общие инструменты, воздействующие на резервы и капитал. Общие инструменты, оказывающие воздействие на резервы, начали применяться в 2000-х гг. в Испании, Уругвае, Перу и носили динамический характер. Цели использования данного инструмента — смягчение издержек на создание резервов на определенных этапах экономического цикла, обеспечение поэтапного накопления антициклических резервов на стадии кредитной экспансии во время роста кредитования, а затем использование накопленных резервов в кризисный период, когда возникала необходимость покрытия возможных потерь, вызванных кредитованием. Регуляторы низко оценивают эффективность данных мер. Например, во время мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. Испания применяла антициклический инструмент. Но сформированный на фазе подъема экономики буфер резервов оказался недостаточным и не смог покрыть потери в полном объеме.

Несмотря на негативный опыт применения данного инструмента, он получил широкое распространение в международной практике. В 2014 г. изменился подход к оценке резервов на возможные потери по ссудам: вместо понесенных потерь стали просчитываться ожидаемые потери. В начале 2017 г. БКБН опубликовал стандарт «Регулирование бухгалтерского учета: внутренний подход и переходные положения», где приведены возможные подходы к отражению резервов на возможные потери согласно МСФО, т.е. требования, предъявляемые к достаточности капитала для покрытия кредитного риска⁵.

⁵ Standards “Regulatory Treatment of Accounting Provisions — Interim Approach and Transitional Arrangements”. BCBS. March 2017. URL: www.bis.org/bcbs/publ/d401.pdf (дата обращения: 29.11.2018.).

Другим инструментом общего характера является контрциклический буфер капитала, который разработан БКБН в рамках соглашения Базель III и применяется для повышения устойчивости банковского сектора к различным негативным шокам⁶.

Под контрциклическим буфером капитала (далее — КБК) (*Countercyclical capital buffer, CCB*) подразумевается надбавка к банковскому капиталу. Если регулятор установил положительную антициклическую надбавку, она не повышает норматив достаточности капитала, но если этот норматив оказывается ниже требуемого уровня с учетом антициклической надбавки или контрциклического буфера капитала, банку вводится ограничение на распределение прибыли. КБК используется не с целью управления кредитным циклом, а для повышения устойчивости банковской системы.

Швейцария является первой страной, которая в 2012 г. внедрила КБК и установила его по отношению ко всем активам банковского сектора на уровне 0%. В 2013 г. швейцарский регулятор предусмотрел КБК для сектора ипотечного кредитования с целью смягчения рисков ипотеки, значение которого находилось на уровне 1% от активов, взвешенных по риску. Регулятор обосновал свои действия тем, что данные меры должны способствовать сдерживанию кредитования на ипотечном рынке, а также повышению стабильности в банковской системе. Но данной меры оказалось недостаточно, риски продолжали нарастать, поэтому регулятору пришлось повысить секторальный норматив до 2%. В результате повышения секторального КБК банковская система стала более устойчивой вследствие того, что увеличилась доля банков с высоким уровнем достаточности капитала, но в то же время не уменьшилась доля высокорискованных заемщиков.

В условиях поддержания низких процентных ставок регуляторами развитых стран отмечаются признаки кредитной экспансии; следовательно, необходимо устанавливать КБК не на нулевом уровне [8]. В табл. 2 приведены страны, которые с 2017 г. начали предусматривать положительное значение КБК.

По мнению экспертов МВФ⁷, в странах с высокими темпами кредитования, которые сопровождаются

⁶ Guidance for national authorities operating the countercyclical capital buffer. Basel Committee on Banking Supervision. 2010; URL: www.bis.org/publ/bcbs187.htm (дата обращения: 29.11.2018.).

⁷ Staff Guidance. Note on Macroprudential Policy — Detailed Guidance on Instruments. International Monetary Fund. URL: www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/issues/2016/12/31/Staff-Guidance-Note-on-Macroprudential-Policy-Detailed-Guidance-on-Instruments-PP4938 (дата обращения: 29.11.2018.).

Таблица 2 / Table 2

Значения контрциклического буфера капитала по странам / Values of countercyclical capital buffer by country

Страна / A country	Дата введения / Introduction date	Значение норматива, % / Standard value, %
Гонконг / Hong Kong SAR	С 1 января 2018 г.	1,875
Норвегия / Norway	С 31 декабря 2017 г.	2
Швеция / Sweden	С 19 марта 2017 г.	2
Словакия / Slovakia	С 1 августа 2017 г.	0,5
Чехия / Czech	С 1 января 2017 г.	0,5

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

высоким уровнем задолженности, должны предусматриваться более высокие значения этого норматива. Несмотря на замедление кредитования и снижение кредитного гэпа, высокая задолженность заемщиков, низкий уровень обеспечения ссуд на уровне 10–20% могут оказывать негативное влияние на степень уязвимости финансовой системы к негативным шокам.

Стандарты Базеля III рассматривают также коэффициент финансового рычага или левериджа, который вводится в требования к капиталу и является эффективным механизмом контроля использования финансового рычага кредитными организациями.

В Банке Англии показатель финансового рычага, описанный в Базеле III, считается стратегическим. При использовании на динамической основе он может выступать как макропруденциальный инструмент, ограничивающий возникновение системных рисков.

Банк Англии ввел показатель левериджа в банковскую систему в начале января 2016 г. в размере 3%, а также дополнительные надбавки к показателю левериджа, размер которого зависит от системной значимости кредитной организации.

Макропруденциальные меры, ограничивающие дисбалансы в секторах. Во время финансового кризиса системный риск присущ всей финансовой системе, что требует применения агрегированных инструментов, воздействующих в целом на финансовый рынок. В случае возникновения системного риска в одном сегменте финансового рынка должны применяться секторальные инструменты, воздействующие в основном на спрос и предложение кредитования, регулируя риски, например ограничения на ипотечные займы.

Показатель отношения суммы кредита к рыночной (или оценочной) стоимости залога [*Loan-to-value ratio (LTV)*], ограничения по уровню долговых выплат в ежемесячном доходе [*Debet payments in monthly income (DTI)*] [9] стали использоваться в азиатских юрисдикциях, таких как Гонконг, Сингапур, Южная Корея, с целью ограничения рисков в ипотечном кредитовании. Данные показатели получили широкое распространение после мирового финансового кризиса 2007–2008 гг., когда было установлено, что высокое значение показателя *LTV* [10] снижает стабильность в сегменте ипотечного кредитования. В Ирландии был зарегистрирован высокий показатель *LTV* в момент выдач ипотечных кредитов, которые сопровождалась дефолтами. Особенно часто эта взаимосвязь прослеживалась с кредитами, выданными в период кредитного бума на рынке недвижимости. Макропруденциальное регулирование оказывается достаточно эффективным после внедрения специфических инструментов, которые влекут снижение корреляции между ростом объемов кредитования и темпами роста ВВП. В странах, которые ввели ограничения по уровню *LTV*, *DTI*, а также дополнительные требования к резервам, корреляция остается положительной, однако намного ниже, чем в странах, где таких требований нет. В государствах, где были введены пороговые значения на темпы роста кредитования или динамическое резервирование, корреляция между темпами роста ВВП и ростом кредитования становится отрицательной [11].

Секторальные инструменты используются также для снижения рисков, возникающих в рамках корпоративного кредитования. Кредитование в иностранной валюте и чрезмерный рост кредитования

коммерческой недвижимости являются триггерами для регулятора в отношении введения инструментов, применяемых с целью снижения напряженности на рынке.

Инструменты, оказывающие влияние на ликвидность и валютный риск. Инструменты, разработанные БКБН, такие как норматив краткосрочной ликвидности и норматив чистого стабильного фондирования, носят макропруденциальный характер. До финансового кризиса 2007–2009 гг. не было международных нормативов ликвидности. Отдельные страны вводили аналогичные нормативы с целью ограничения рисков, причинами которых были разрывы в срочности между активами и пассивами [10].

С целью ограничения валютных рисков банков могут устанавливаться ограничения на открытую валютную позицию. Валютную ликвидность регулируют в основном для ограничения большого притока внешнего капитала по банковскому каналу. Для этих целей многие страны используют в качестве инструмента денежно-кредитного регулирования резервные требования, в частности дифференцированные по валюте обязательства. Примером может стать опыт стран Восточной Европы. Они повышали нормативы обязательных резервов для ограничения чрезмерного притока капитала до наступления кризиса 2007–2009 гг. Большинство руководителей центральных банков считают, что обоснованные коммуникации денежно-кредитной политики помогают достигать объявленных целей по стабилизации цен, долгосрочных процентных ставок, максимальной занятости, уменьшая неопределенность в отношении участников финансового рынка [12].

МВФ внес предложение по созданию механизма сборов, которые могут отличаться по срокам или видам валют и собираться в общий фонд, используемый в кризисной ситуации в качестве источника дополнительной ликвидности.

Инструменты, воздействующие на структурные риски. Совет по финансовой стабильности разработал дополнительные требования к системно значимым финансовым организациям. Некоторые страны предусматривают более жесткие требования, чем установленные в соглашении Базель III. Например, Австралия и Канада увеличили требования к базовому капиталу 1-го уровня на 1 п.п. выше, чем в соглашении Базель III, в Сингапуре — на 2 п.п., в Австрии и Дании — на 3 п.п., в Швеции — на 5 п.п. выше, чем в стандартах.

В 2015 г. «Группой 20» было одобрено предложение по внедрению международного стандарта общей способности поглощения убытков [*Common Loss Ability Standard (TLAC)*]⁸ для глобальных системно значимых банков. С 1 января 2019 г. кредитные организации *G-Sibs* должны обладать суммой *TLAC* в размере 16% от взвешенных по риску активов (*RWA*), или 6% от кредитного плеча. Планируется увеличить достаточность объема капитала и залога для покрытия потерь инвесторов до 18% от *RWA*, или 6,75% кредитного плеча к 1 января 2022 г.

Способность поглощать убытки может выражаться в наличии ресурсов в виде дополнительного капитала и определенных долговых инструментов, которые в случае несостоятельности банк может использовать для покрытия потерь на этапе их урегулирования. Уровень требований *TLAC* зависит от фактически потребовавшихся обязательств для урегулирования банкротства банка. Данное требование будут выполнять все 30 глобальных системно значимых банков развитых и развивающихся стран (табл. 3).

Макропруденциальные меры, имеющие прямое ограничение для потребителей финансовых услуг. Макропруденциальные меры, которые были рассмотрены выше, оказывают воздействие на финансовых посредников — кредитные организации, но их регулирование не всегда позволяет предотвращать распространение системных рисков на всю финансовую систему. В связи с этим регулирование должно распространяться на финансовых потребителей.

С целью сдерживания образования ипотечных «пузырей» на рынке недвижимости в таких юрисдикциях, как Гонконг и Сингапур, используются государственные пошлины и налоги для увеличения стоимости недвижимости. В них также принята дифференциация в зависимости от резидентства покупателя, например в конце 2011 г. в Сингапуре была установлена государственная пошлина в размере 3% для покупателей-резидентов и 10% — для иностранцев и корпораций. Эти меры (рост цены недвижимости в зависимости от резидентства за счет государственных пошлин) могут быть необходимы в случае чрезмерного притока иностранного капитала. Через два года государственная пошлина была повышена до 15% для иностранных граждан и корпораций, а для резидентов, которые

⁸ Principles on Loss-absorbing and Recapitalisation Capacity of G-SIBs in Resolution Total Loss-absorbing Capacity (TLAC) Term Sheet 9 November 2015. URL: <http://www.fsb.org/wp-content/uploads/TLAC-Principles-and-Term-Sheet-for-publication-final.pdf> (дата обращения: 29.11.2018).

Таблица 3 / Table 3

Значения коэффициента левиреджа по странам / Leverage Ratio by Country

Развитые страны / The developed countries	Развивающиеся страны / Developing countries	Значение нормативов / Value of standards
01.01.2019	01.01.2025	16% от RWA и 6% от знаменателя коэффициента левиреджа
01.01.2022	01.01.2028	18% от RWA и 6,75% от знаменателя коэффициента левиреджа

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 4 / Table 4

Россия: сравнение прогнозов между базовым и альтернативным сценариями (в % к ВВП) / Russia: Comparison of Projections between Baseline and Alternative Scenarios (Percent of GDP, unless otherwise indicated)

Прогноз / Projection	Сценарий / Scenario	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Реальный и внешний рост реального ВВП, % / Real and external Real GDP growth, %	Базовый	1,7	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5
	Альтернативный	1,7	2,0	2,0	1,7	1,2	1,2	1,2	1,2

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

покупают второе и более жилье, — до 10%. Данная мера позволила стабилизировать цены на жилье и снизить спрос нерезидентов на покупку недвижимости, поскольку он прежде не регулировался коэффициентами *LTV* и *DSTI* [13].

Ограничение валютного кредитования как мера макропруденциального регулирования может быть причиной роста внешнего долга.

Эффективность применения макропруденциальных мер можно оценивать путем измерения системного риска, а также достаточности буферов капитала и ликвидности, накопленных за счет использования макропруденциальных инструментов [14].

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РОСТУ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Согласно прогнозам МВФ⁹, рост реального ВВП России в период 2019–2025 гг. будет замедляться (табл. 4).

Результаты сравнения экономики России с другими странами в 2017 г. по обменному курсу, паритету

⁹ 2018 article iv consultation — press release; staff report Russian Federation IMF Country Report September 2018 No. 18/275 Russian Federation: 2018 Article IV Consultation — Press Release; Staff Report; IMF Country Report No. 18/275; July 17, 2018 1 / 61.

покупательной способности (далее — ППС) и по ППС на душу населения¹⁰ приведены в табл. 6–8.

Для нивелирования разницы в уровнях цен и скачки обменного курса используют показатель ВВП по ППС (см. табл. 7).

При условии выполнения требований МВФ по макропруденциальному регулированию Россия может за счет учета системного риска и его влияния на структуру и качество кредитных портфелей банков¹¹ увеличить темпы их роста, кредитную активность и экономический рост:

1) макропруденциальное регулирование может влиять на экономический рост через банковские посреднические затраты. Среда, в которой развивается банковский бизнес, должна способствовать созданию условий для финансирования инвестиционных проектов;

2) макропруденциальное регулирование может косвенно влиять на экономический рост через размер финансовой системы. Связь между ростом

¹⁰ Группа Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&type=metadata&series=NY.GDP.MKTP.CD>; <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx>.

¹¹ See Rochet (1992) for an early analysis of the link between bank capital and risk-taking under limited liability.

Таблица 5 / Table 5

Экономика России в сравнении с другими странами (номинальный ВВП, измеряемый в долларах по обменному курсу, трлн долл. США, 2017 г.) / Russian economy in comparison with other countries (nominal GDP, measured in dollars at the exchange rate, trillion US dollars, 2017)

Страна / Country	США / USA	Китай / China	Япония / Japan	Германия / Germany	Великобритания / United Kingdom	Россия (11-е место) / Russia (11th place)
ВВП / GDP	19,4	12	4,9	3,7	2,9	1,6

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 6 / Table 6

Экономика России в сравнении с другими странами по ППС, трлн долл. США, 2017 г. / Russian economy in comparison with other countries on purchasing power parity (PPP), trillion US dollars, 2017

Страна / Country	Китай / China	США / USA	Индия / India	Япония / Japan	Германия / Germany	Россия (6-е место) / Russia (6th place)
ВВП / GDP	23,2	19,4	9,5	5,4	4,2	4

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 7 / Table 7

Экономика России в сравнении с другими странами по ППС на душу населения, трлн долл. США, 2017 / Russian economy in comparison with other countries on purchasing power parity (PPP), per capita, trillion US dollars, 2017

Страна / Country	Катар / Qatar	Люксембург / Luxembourg	Сингапур / Singapore	Бруней / Brunei	Ирландия / Ireland	США / USA	Россия (48-е место) / Russia (48th place)
ВВП / GDP	124,53	106,37	93,91	78,19	75,53	509,5	27,83

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

и финансовой глубиной является результатом противоречивых эффектов финансирования на производительность и объем ресурсов, которые доступны для финансирования инвестиций;

3) макропруденциальное регулирование влияет на экономический рост косвенно через доходы и распределение богатства. Негативное влияние неравенства доходов на экономический рост проявляется, если доступность кредитов ограничена, а государственные расходы уменьшаются и начинают появляться негативные последствия неравенства. Перераспределение, измеряемое как разница между риском рынка и чистой прибылью, препятствует росту экономики за счет более низких инвестиций и увеличения рождаемости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для предотвращения негативного воздействия дисбалансов, возникающих на международных

рынках, рисков международной трансмиссии финансового стресса, а также для сглаживания «пузырей» на национальных финансовых рынках в целях достижения финансовой стабильности и экономического роста в международной практике вводятся динамические макропруденциальные нормативы для системно значимых институтов финансового рынка.

Стандартизованный подход к измерению кредитного риска контрагента (Базель III) обеспечивает эффективность и надежность финансово-кредитных институтов, создает более надежную структуру финансово-кредитных систем, повышает уровень капитала и позволяет стране наращивать экономический потенциал для решения задач, поставленных в майском 2018 г. указе Президента РФ и развернутых в национальных проектах для достижения нового качества жизни человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Cerutti E., Zhou H. The global banking network in the aftermath of the crisis: is there evidence of de-globalization? Publisher: Series: IMF Working Papers Publisher: International monetary fund Published WP/17/232, November 2017. DOI: 10.5089/9781484324868.001
2. Catão, Luis A.V., Gian Maria Milesi-Ferretti. External liabilities and crises. *Journal of International Economics*. 2014;94(1):18–32. DOI: 10.1016/j.jinteco.2014.05.003
3. Williamson, Stephen D. Low real interest rates, collateral misrepresentation, and monetary policy. *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2018;10(4):202–33. DOI: 10.1257/mac.20150035
4. Aikman D., Andrew G. Haldane Benjamin D. Nelson. Curbing the credit cycle. *The Economic Journal*. 2013;125(585):1072–1109. DOI: 10.1111/eoj.12113
5. Haelim Park Anderson, John C. Bluedorn. Stopping contagion with bailouts: micro-evidence from pennsylvania bank networks during the panic of 1884 *Journal of Banking & Finance*, Elsevier. 2015;76 (C):139–149.
6. Ivashina V., David S., Scharfstein Jeremy C. Stein. Dollar funding and the lending behavior of global banks. *Quarterly Journal of Economics*. 2015;130(3):1241–1281. DOI: 10.1093/qje/qjv017
7. Chen, Kaiji, Jue Ren, Tao Zha. The nexus of monetary policy and shadow banking in China. *American Economic Review*. 2018;108(12):3891–3936. DOI: 10.1257/aer.20170133
8. Kuttner, Kenneth N. Outside the Box: Unconventional monetary policy in the great recession and beyond. *Journal of Economic Perspectives*. 2018;32(4): 121–46. DOI: 10.1257/jep.32.4.121
9. Srobona Mitra. LTV и DTI limits-going granular. 2015; URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/LTV-and-DTI-Limits-Going-Granular-43084>.
10. Eugenio Cerutti, Рикардо Correa, Fiorentino, Эстреп Segalla. Changes in prudential policy instruments — a new cross-country database. *The International Journal of Central Banking (IJCB)*; IMF Working Paper WP/16/110; 1/23, June 2016:477–533.
11. Jiménez G., Ongena S., Peydró J-L., Saurina J. Credit supply and monetary policy: identifying the bank balance sheet channel with loan applications. *American Economic Review*. 2012;102(5):2301–2326.
12. Kevin L. Kliesen. Gauging the evolution of monetary policy communication before and after the financial crisis. *Economic synopses*. 2018;(27):1–2.
13. Shleifer, Vishny A. R. Fire sales in finance and macroeconomics. *Journal of Economic Perspectives*. 2011;25(1):29–48.
14. Dell’Ariccia, Giovanni, Pau Rabanal, Damiano Sandri. Unconventional monetary policies in the euro area, Japan, and the United Kingdom. *Journal of Economic Perspectives*. 2018;32(4):147–72. DOI: 10.1257/jep.32.4.147

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Евгеньевна Шакер — кандидат экономических наук, доцент, Департамент финансовых рынков и банков, Финансовый университет, Москва, Россия
ish7@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Shaker Irina E. — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., the Department of Financial Markets and Banks, Financial University, Moscow, Russia

Статья поступила: 14.01.2019; принята к публикации 16.04.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 14.01.2019; accepted for publication 16.04.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.